Ленинград
БДТ им. Горького

12 ФЕВ 1986

ИЗВЕСТИЯ

ВСТРЕЧИ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЧАС

Когда, стуча каблуками по деревянному настилу Литейного моста, счастливые люди с билетами на спектакль БДТ устремляются к театру и машины сбрасывают скорость на набережной Фонтанки — это значит настал театральный час.

В любое время года, в любую погоду на спектакль, который живет на сцене двадцать лет, как «Мещане», и на премьеру еще неизвестного автора, как сегодня, публика осаждает театр.

...Мы приехали на сбор труппы — шестьдесят седьмой сезон БДТ, тридцатый сезон с Товстоноговым!

Что в вашей жизни театр? Театр вообще или ваш театр? — предлагали мы народному артисту и юноше с огромными глазами, сыгравшему Одуванчика в «Рядовых», сочинить формулу театра...

«Это—моя жизнь, мой дом»,— Кирилл Лавров. «Театр — моя религия»,— Алиса Фрейндлих. «Театр — это открытая дверь в мир, внутрь человеческого сердца»,— Владимир Рецептер.

Владислав Стржельчик: «Я никогда не мечтал о другой профессии. Все мои мысли были только о театре. Я уже 46 лет работаю в БДТ, так что для меня это — все».

— Не могли бы вы назвать свой самый лучший сезон?

— Следующий...

Дина Шварц, заслуженный деятель искусств РСФСР, заявит, многолетний друг и соратник Товстоногова: «Театр помогает забыть о краткости жизни».

Ира Селезнева: «БДТ — мой первый театр после учебного. Я со страхом думала: разве можно выйти на сцену вместе с такими артистами?! Но когда в спектакле «Кукоповесть с одним антрактом» я увидела глаза Алисы Бруновны, обращенные ко мне, я вдруг почувствовала, что какая-то волна накатывает на меня и мне становится легко-легко...»

Товстоногов на сборе труппы был краток, нам даже показалось, суховат, но, как всегда, серьезен и сосредоточен. Он смотрел сквозь толстые стекла очков, как экзаменатор, довольный порядком: все здоровы, выглядят отлично, никто не опоздал, «не задержался на съемках», всех интересует работа...

На большой сцене уже ставили декорации, в репетиционном зале шел прогон, в гримерных, в цехах — всюду у всех нашлись дела. Люди театра, они соскучились по своему дому.

В разные годы мы пережили здесь, вместе с театром, незабываемые, удивительные мгновения...

Трагический взрыв в спектакле «Три мешка сорной пшеницы» по Тендрякову, когда Олег Борисов — председатель сельсовета, бывший фронтовик, безрукий солдат Кистерев, физически немощный, жалкий, потрясал вас духовной силой, отчаянной яростью, поистине героической волей. Его монолог, брошенный в зал и обращенный к миру, обличающий все бездушное и бессовестное, был воистину словом ценою жизни.

А протянутые к нам руки Мышкина — Смоктуновского изо пропастью зла, жестокости, алчности и безверия...

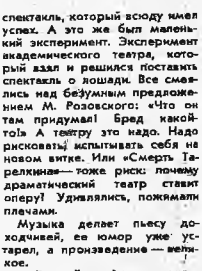
А как выясняли здесь свои отношения Чацкий — Юрский, Софья — Доронина, Молчалин — Лавров, как бросали они друг другу знакомые слова, обнаруживая в них неведомый смысл, как на наших глазах крылатые фразы «Горя от ума» обретали свойства человеческого откровения. И — о сенсация! — Грибоедов писал про нас: открытый, дерзкий, свободный ум, покоряющий неподдельной естественностью молодой человек и уверенность здравого смысла, человек с портфелем, столкнулись, сошлись перед нами, объяснили себя. И Софья (ну женщина!) выбирала сознательно (тоже не дурочка), что спокойнее и надежнее, респектабельнее, приличнее, выбирала того, на кого обопрешься и пройдешь по жизни, как по Невскому, не спеша и с достоинством. И когда пылкий юноша в финале вместо того, чтобы закричать театральным голосом: «Карету мне, карету!»—падал в обморок, хотелось немедленно достать из кармана для него нашу современную таблетку, чтобы снять напряжение.

Как неожиданно, по-новому звучали на этой сцене Чехов, Достоевский, Грибоедов, Горький. Каким откровением становились хрестоматийные произведения, известные со школьных лет. Театр умеет увидеть в них то, что волновало зал сегодня, театр всегда заставлял нас думать.

На выпуске «Оптимистической трагедии», с которой начинался «ленинградский» Товстоногов, на репетициях «Варваров» и «Мещан», «Поднятой целины» и замечательных володинских пьес «Пять вечеров», «Моя старшая сестра», здесь, в зале, за режиссерским столиком сидели ассистенты, стажеры, студенты, потому что живая жизнь театра и есть лучшая школа. Сегодня ученики народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Георгия Александровича Товстоногова работают во многих городах страны: одни возглавляет театр в Ташкенте, другой — в Новосибирске, трое руководят ленинградскими, двое — в Москве. А сколько народных артистов СССР выросло под крылом Товстоногова! Не всегда семья существует кучно, сыновья разлетаются, но их труд все равно прибавляет славу отчему дому. Каждый новый сезон появляется в театре молодежь и выходит на сцену вместе с Лебедевым, Стржельчиком, Лавровым. Авторитет в искусстве приходится подтверждать снова и снова, никому не удавалось еще сказать нечто дельное с пьедестала.

ТОВСТОНОГОВ: Борьба с внутренней рутиной—вот главное. Сохранить за собой и в себе право на риск. Без этого нельзя ничего создать, и провалиться нельзя как следует, и большого успеха добиться нельзя, а можно лишь спокойно делать спектакли, спектакли, спектакли...

Вспомним «Историю лошади». Сейчас это признанный



спектакль, который всюду имел успех. А это же был маленький эксперимент. Эксперимент академического театра, который взял и решился поставить спектакль о лошади. Все смеялись над безумным предложением М. Розовского: «Что он там придумал! Бред какой-то!» А театру это надо. Надо рисковать, испытывать себя на новом витке. Или «Смерть Тарелкина»— тоже риск: почему драматический театр ставит оперу? Удивлялись, пожимали плечами.

Музыка делает пьесу доходчивей, ее юмор уже устарел, а произведение — нетлекое.

— Георгий Александрович, внутренняя рутина подстерегает художника в каком-то возрасте, положении, или иначе: человек только вступает на сцену — а она уже здесь?

— Конечно... Обратите внимание на страх молодых дерзвитых режиссеров сделать нешедевр. Раз объявили гением, значит, только гениальное должен выпускать! Это же невозможно! Сколько за эти 30 лет в БДТ было посредственных спектаклей... Были неудачи, были провалы. И в этом надо отдавать себе отчет. Не может быть так: раз поставил «Идиота», который прогремел на всю страну, то и давай только на таком уровне. Это, между прочим, другая сторона все той же рутины.

— А вы никогда не боялись неудачи?

— Нет. После «Идиота» у нас вышел спектакль «Дали неоглядные». Это была посредственная постановка, никто не помнит ее.

Как у нас могут появиться лидеры театрального процесса? Это не просто организационный вопрос. Театр трудно открыть, но еще труднее закрыть, он же получил штаты, утвержден... А вспомните, как возник, скажем, Заводский? Я же помню его подвале по Сретенке, прибитый туда, когда был студентом. Из студий выросли театры Охлопкова, Вахтангова. А как родился «Современник»? Сейчас такой путь забыт.

— Как вы среди молодых определяете лидера, который может и должен получить сегодня театр? Какой критерий у вас?

— Кто будет лидером, может показать только практика. Лидером станет тот, кто сумеет объединить людей общей идеей, своей программой. Причем она должна быть не декларативной, а практически выраженной. Декларировать программу может каждый человек, умеющий разговаривать, а как ее провести в жизнь... Я сейчас читаю мемуары Гиацинтовой и вижу, как создавались Станиславским и Немировичем-Данченко этическая атмосфера на практике. Что делалось в театре, когда Гиацинтова удачно сыграла роль горничной, всего лишь эпизод. Владимир Иванович заказал такое количество цветов, что их можно было отвезти домой, только нанял специального извозчика... Радоваться удаче каждого, как своей собственной, — неписаный закон этики и нравственности.

— Но там же, в этих мемуарах, написано, что Станиславский сказал Вахтангову: Вы недюжой педагог, но постановщика из вас никогда не выйдет. Что вы думаете об этом?

— Ошибся.

— Значит, трудно угадать это, даже Станиславский не увидел.

— Да, трудно. Поэтому я и говорю: только практика покажет, кто из молодых сможет стать лидером.

— Нередки случаи, когда молодые художники не принимают других. Мастера старшего поколения каким-то образом вырастали в себе эту способность видеть и понимать разное. Вы относитесь как раз к таким людям, которые способны видеть разное. Не только потому, что у себя в театре ставили Брехта, Чехова, Гоголя и публицистическую драму — все как бы разные театры, но они вмещались в вашем сознании. Но и то, что ваш интерес сегодня вызывает режиссер Анатолий Васильев — с одной стороны, Додин — с другой. Вы всегда с интересом относитесь к работам Эфроса, Захарова. Все они — разные и даже не ваши.

— Не мои. Да...

— Считаете ли вы для современного художника необходимым выразить в себе интерес и терпимость к чужому, к другому?

— Я не задавался этой проблемой, потому что я точно знаю, что во мне это есть. Когда я вижу что-то хорошее, я всегда принимаю его.

Мне кажется, это связано с психологической проблемой, с заболеванием, которое очень свойственно творческим людям. То, что я называю клоунским юмором и собственной персоной». Отсюда и идет неприязнь к чужому успеху, неприятие его. Это заболевание распространенное. Один его больше маскирует, другой — совсем не может маскировать, но оно способно погубить жизнь в искусстве. Человек может пройти через огонь и воду, а вот медные трубы редко кто выдерживает...

— Ваша формула театра?

— Задача и миссия театра — разбудить в человеке совесть...

...Вот теперь мы спешим на премьеру пьесы В. Дозорцева «Последний посетитель», которая в принципе отвечает этой задаче.

Невероятное происшествие в двух частях заключается в том, что в кабинет заместителя министра, которого играет Кирилл Лавров, приходит Посетитель (артист А. Толубеев) и требует, чтобы он оставил пост...

Почему так трудно? Если на нашей стороне правда, на нашей стороне закон, почему же так трудно? Разве люди без чести и совести, взявшиеся за руки, неуязвимы? «Они что, неподсудные? — кричит Посетитель.— Каждый раз нужно совершать подвиг Геракла, чтобы передвинуть один стул!» Каждый раз, когда свершается несправедливость, беда расходится кругами,— страдает нравственный климат в обществе, страдают люди, в конфликте не участвующие, не заинтересованные, а стало быть, многие... Если, как сказано в пьесе, «убивают в человеке гражданина»,— вернуть утраченную веру, общественную активность трудно.

У Посетителя главная задача как раз в этом, не столь интересен ему заместитель министра, конкретный товарищ Казмин, не такой уж плохой человек, кстати, и блестящий хирург в прошлом, сколько хочется ему до боли в сердце доказать себе в Вере, и другу, что справедливость — вот она, убедитесь, торжествует! Да и зрителей занимает не столько фабула, хотя драматург излишне интригует нас, не сразу открывая тайны дела, сколько характеры, социальные типы. А. Романцов играет помощника министра так убедительно, что в какой-то момент становится страшно: такой на перед чем не остановится и ни при каких обстоятельствах не растеряется. Умный, ловкий, холодный, точно злой робот, он вовсе не тень министра, это так кажется только на первый взгляд, кажется и самому Казмину, пока он не увидел истинного его лица. Лавров играет свою роль очень деликатно, осторожно по отношению к герою, он как бы с самого начала оставляет ему возможность судить себя. Без этого финал спектакля потерял бы свою убедительность.

Все уходят — Посетитель, помощник и Вера, в кабинете остается он один. Теперь все зависит от того, насколько он терпим к нравственному уродству, что для него пропасть, а что — досадное недоразумение. Он молчит, молча рвет план завтрашнего дня, оставленный помощником. И тут надо бы ему уйти из кабинета. Потому что поэтическая метафора, которой завершает режиссер разговор о совести, требует чистоты. В кабинете на стене висит портрет Ленина. Портрет укрупняется до размеров киноэкрана — Ленин смотрит в зал. «...и Ленин, как рентген, просвечивает нас».

...Покидая театр, мы думали о том, что Товстоногов своей формулой театра выразил общее понимание миссии искусства: будить совесть в человеке.

Н. ИСМАЙЛОВА,
В. НЕВЕЛЬСКИЙ.